

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ СКРЯБИН

К $\frac{75}{84}$

op $\frac{1-65}{8913}$

СБОРНИК К 25-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ СМЕРТИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА · 1940 · ЛЕНИНГРАД

ЛЕНИНГРАДСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Р. М. ПЛЕХАНОВА

С Александром Николаевичем Скрябиным и его женой Татьяной Федоровной мы познакомились в феврале 1906 г. на Ривьере в маленьком итальянском городке Больяско, находящемся вблизи Нерви, известного курорта для легочных больных, и на расстоянии часа езды по железной дороге от Генуи. Встретились мы с ним в гостеприимной семье Владислава Александровича Кобылянского, революционера, члена социал-демократической партии Польши и Литвы. Жили Кобылянские на итальянской Ривьере уже несколько лет из-за болезни легких Владислава Александровича, считались местными старожилками, были очень добры, отзывчивы и, зная хорошо условия жизни местности, во всякое время готовы были оказать услугу больным или отдыхающим соотечественникам.

Жена Кобылянского, Ольга Осиповна Луиц, умная, образованная, очаровательная женщина, прекрасная музыкантша, окончила Московскую консерваторию по классу профессора А. Н. Скрябина. Семьи Кобылянских и Скрябиных были очень дружны, часто посещали друг друга. И вот однажды вечером у Кобылянских мы встретились с Александром Николаевичем и Татьяной Федоровной.

Мы были от обоих в восторге. Тонкое, почти женственное, одухотворенное лицо Александра Николаевича с наивно мечтательными глазами, в которых отражался целый мир звуков и мелодий, и рядом Татьяна Федоровна, грациозная, небольшого роста, с симпатичным грудным голосом, мягкими манерами, красивым живым лицом, производили чарующее впечатление.

После обмена первыми рукопожатиями и приветствиями зашел разговор о событиях на родине, о революционном движении, охватившем всю страну и достигшем кульминационного пункта в декабрьские дни 1905 г., о подавлении революции и о правительственных репрессиях. Оказалось, что Александр Николаевич, уже давно покинувший Россию и весь погруженный в свои новые музыкальные произведения, с глубоким интересом следил за героической революционной борьбой, выражая свое сочувствие революционерам. Разговор сильно возбудил нервного Александра Николаевича: в нем явился порыв излить свои чувства в музыку, он подошел к роялю и начал играть свои этюды, вальсы, места из «Божественной поэмы» и перешел к исполнению некоторых мест из «Поэмы экстаза», над которой он в то время работал. Чудесная музыка, уносящая в область высокого идеала, бесподобное исполнение произвели на всех нас и, в особенности, на Плеханова сильное впечатление. Мы выразили ему наше восхищение. Александр Николаевич был, видимо, очень доволен и тут же со смущением молодой влюбленной девушки, признающей своей подруге в первой любви, сказал нам, что музыка эта навеяна революцией, ее идеалами, за которые борется

теперь русский народ, и поэтому эпитафией поэмы он решил взять призыв: «Вставай, подымайся, рабочий народ».

Мы слышали игру Александра Николаевича в Большеско несколько раз и замечали, что он особенно охотно садился за фортепиано, когда об этом его просил Плеханов.

Георгий Валентинович не играл ни на каком инструменте, но очень любил музыку, хорошо слушал и обладал верным музыкальным чутьем. Музыка Александра Николаевича успокаивала его, была близка его настроению. С музыкой Скрябина он познакомился тогда впервые. Вообще же предпочитал боевое, могучее творчество Бетховена, Берлиоза, Вагнера. Сонаты Бетховена, в особенности «Патетическая», его третья — «Героическая» симфония, «La damnation de Faust» Берлиоза, «Зигфрид» и «Гибель богов» Вагнера были его любимыми произведениями.

Георгий Валентинович в своем письме к Богородскому говорит: «Мой жизненный путь был как нельзя более далек от того, по которому с таким успехом, — хотя, к сожалению, так недолго, — шел Александр Николаевич Скрябин», и дальше: «Наши воззрения были диаметрально противоположны...» и т. д. Чем же объяснить, кроме личного обаяния Александра Николаевича и их общего интереса к философским вопросам, их взаимную симпатию? Мне думается, отчасти это объясняется историческим моментом и переживаниями Георгия Валентиновича в годы 1905—1906. Для объяснения моей мысли я позволю себе несколько уклониться от темы.

1905—1906 г. были для Георгия Валентиновича эпохой великих надежд и устремлений и вместе с тем тяжелых переживаний. Весь 1905 г., начиная с кровавого пролога (9-е января 1905 г.) нашей революции, Плеханов, несмотря на частые недомогания, был очень бодр, много работал, писал, выступал перед русской колонией в разных городах Швейцарии. Известия из России, где развивалась великая революционная борьба, поднимали его дух, вызывали неуклонное стремление к активной работе, к борьбе.

Сейчас же после обнародования манифеста 17 октября мы решили двинуться на родину. Я приступила к ликвидации моей медицинской практики и к сборам в путь. Плеханов поехал в Берн посоветоваться с т. Эбби, известным бернским адвокатом — социал-демократом, относительно урегулирования некоторых семейных дел.

Чтобы познакомить читателей с внутренним настроением Георгия Валентиновича в эту пору его жизни, я приведу два письма его: одно относится к концу ноября 1905 г., а другое от 4 декабря того же года; первое — к старшей дочери в Париж, второе — ко мне в Женеву из Монтра.

«Женева, 27 ноября.

Моя милая дочка, я опять был в Берне по поводу моего духовного завещания. Женечка говорит: *c'est trop lugubre* (это слишком мрачно). Твое письмо не застало меня здесь. Спешу на него ответить. Что не надо было начинать новой стачки, это ясно. Сейчас же после первой я говорил, что надо дать отдохнуть рабочим. Но у нас теперь все так настроены, что plus on est imprudent, plus on parait revolutionnaire (чем более люди неосторожны, тем большими они кажутся революционерами). Теперь мне не раз придется играть роль d'une inutile Cassandre (ненужной Кассандры). Насчет *suffrage universelle* (всеобщее избирательное право) нам нечего бояться. Жюрес очень хорошо сказал в «Humanité», что русскую революцию спасет только *la plénitude de la Revolution* (полнота ее). Но *la plénitude* спасет ее наверное, а эта *plénitude* — в *expropriation des gros propriétaires* (экспроприации крупных собственников).

Крестьяне могут быть за царя против *l i b e r a l o v*, которые не хотят дать им земли; но они будут с нами против царя потому, что мы будем поддерживать их движение против *gros propriétaires* (крупных собственников). Это будут два тесно связанных между собою факта: *fait économique — expropriation des grands propriétaires fonciers, fait politique — assemblée constituante révolutionnaire. Voilà mon programme agraire. Il n'y a pas de meilleur pour le moment* (экономический факт — экспроприация крупных землевладельцев, факт полити-

ческий — революционное учредительное собрание. Вот моя аграрная программа. Для данного момента нет лучшей).

Так называемых хулиганов (des apaches) очень немного. Корреспондент Standart'a говорит, что их было от 50 до 100 человек. Ils pillaient et massacraient protégés par la police et par la troupe (они грабили и убивали, прикрываемые полицией и армией). Пролетариат скоро справится с ними. Скоро я поеду в Россию. Когда это будет решено, должно быть, заеду в Париж. Целую тебя. Папа.»

Г. В. Плеханов

«Дом Плеханова» в Ленинграде

Таково было настроение Георгия Валентиновича в ноябре 1905 г.

Все было готово для поездки. Но через несколько дней после возвращения из Берна Георгий Валентинович сильно заболел: лихорадка, сильная боль в горле, потеря голоса.

Приглашенный мною на консультацию, профессор, специалист по туберкулезу, нашел состояние Плеханова очень серьезным: ввиду хронического легочного процесса, которым страдал Георгий Валентинович с 1886 г., он высказал опасение о возможности осложнения болезни туберкулезным процессом гортани, настаивал на скорейшем его удалении из Женевы в теплый климат, но предва-

рительно перед отъездом на юг советовал обратиться к лозаннскому профессору Мермо, известному специалисту по горловым болезням.

Профессор Мермо нашел состояние горла Георгия Валентиновича крайне серьезным, решительно высказался против его поездки на север, прописал длительное лечение у себя в клинике, а после поправки поездку в Италию в Сан-Ремо. «Иначе, — прибавил он резко, — Плеханову грозит горловая чахотка, которая, при еще далеко не остановившемся процессе легких, может принять острый характер».

Георгий Валентинович выслушал угрозы профессора, отнесся к его прогнозу слегка скептически, как он вообще относился к врачам, и тут же заявил мне, что ехать ему необходимо и что самое большее, на что он может согласиться, это устроиться вблизи Лозанны, в Монтрэ, и являться к Мермо на консультацию регулярно в течение двух-трех недель, а потом надо ехать. Что будет, то будет!

Настроение Георгия Валентиновича, вследствие неожиданного препятствия к исполнению его заветной мечты и долга революционера, было крайне тяжелое. Вот что писал он мне из Монтрэ 4 декабря 1905 г.:

«Ох! Надо мне ехать. Поедем, немоготу мне здесь. Меня тянет в Россию. Я теперь точно дезертир и все мне противно, я даже работать почти не могу, а это редко бывает со мною. Поедем, а то я с ума сойду. Мое место теперь в России. Завтра я поеду к Мермо, чтобы посоветоваться насчет горла. Будем спешить, а то я дойду бог знает до чего. Право, я теперь кажусь себе дезертиром, а это самая презренная порода людей. Не затем я жил и работал, чтобы сидеть теперь спокойно, когда там идет борьба»¹.

Угрожающий прогноз Мермо и его абсолютный протест против поездки Георгия Валентиновича в Петербург не остановили его: он вернулся в Женеву не долечившись и начал укладывать свои книги и рукописи. Я не препятствовала, зная, что остановить его невозможно. Паспорта для переезда границы у нас были наготове. Но дней за 5—6 до выезда, сколько мне помнится, в средних числах января 1906 г., мы получили телеграмму с извещением, что брат, т. е. Л. Г. Дейч заболел, т. е. арестован, и просит задержать наш выезд на некоторое время. Реакция свирепствовала.

Мы оставили наши чемоданы уложенными, не мирясь с мыслью, что решение наше теперь неосуществимо. Плеханов угрюмо и молча погрузился в работу, я двинулась, как сомнамбула, не решаясь вернуться к медицинской деятельности.

Между тем на родине события ухудшались, и, точно в зависимости от получаемых печальных известий, легкие и горло Плеханова опять воспалились, температура снова сильно поднялась. Положение становилось угрожающим: надо было немедленно бросить сырую и холодную женевскую зиму и без всякой проволочки отправиться на юг. Больших трудов мне стоило склонить Георгия Валентиновича на поездку в Италию.

Через некоторое время, как только обостренное состояние его болезни прошло, мы двинулись на Ривьеру и поселились в Больяско.

Георгий Валентинович долго не мог оправиться от пережитого потрясения. Но природа, которую страстно любил Плеханов, не раз в его жизни являлась

¹ Публикуемые здесь впервые письма Плеханова бросают свет на противоречивость субъективных устремлений Плеханова (страстное желание принять активное участие в революции и смутное предчувствие, что он сыграет в ней неверную роль). Переживания Плеханова были определены его меньшевизмом; характерно, что Плеханов, говоря о революционном крестьянском движении, видит в экспроприации крупных землевладельцев не политический, а только экономический факт.—*Ст. М.*

для него лучшей целительницей. И на этот раз благодатное солнце итальянской Ривьеры, лазурная гладь моря и безоблачно-синее итальянское небо оказали на него магическое действие. Здоровье его начало поправляться, но бодрое настроение, всегда присущее Георгию Валентиновичу, даже в моменты обострения его хронического недуга, на этот раз вернулось к нему нескоро.

Моральное выздоровление Георгия Валентиновича я приписывала и приписываю в значительной степени знакомству и встречаю его с Александром Николаевичем Скрябиным. Мягкая, гармоничная, почти женственная натура последнего, бисерно-нежная скрябинская музыка, его высокая талантливость, проявлявшаяся не только в музыке, но и в искусстве мышления, глубокие философские интересы — все это для Георгия Валентиновича, крайне измученного душевно, было привлекательно в его новом приятеле.

Очень занимали и отвлекали Георгия Валентиновича от его тяжелых дум прогулки с Александром Николаевичем, во время которых у них завязывались философские споры, где сталкивались два мировоззрения — идеалистическое и материалистическое. Александр Николаевич доходил в увлечениях своими воззрениями до курьезных парадоксов, а Плеханов разбивал его *per Socrates*. Как-то раз во время прогулки по набережной Больяско, когда мы проходили мост, переброшенный через высохший, усеянный крупными камнями, поток, Александр Николаевич, с увлечением излагая свое идеалистическое «credo», сказал: «Создаем мир мы, нашим творческим духом, нашей волей, никаких препятствий для проявления воли нет, законы тяготения для нее не существуют, я могу броситься с этого моста и не упасть головой на камни, а повиснуть в воздухе благодаря этой силе воли». Плеханов выслушал Александра Николаевича и невозмутимо сказал: «Попробуйте, Александр Николаевич!» Но продемонстрировать этот опыт композитор не решился.

Гуляя, философствуя во время прогулок, Георгий Валентинович, любя, подшучивал иногда над Александром Николаевичем. Скрябин отвечал ему в таком же шутливом тоне. В одно чудесное весеннее утро на марине Сан-Ремо мы встретились с Александром Николаевичем. Георгий Валентинович приветливо пожмает руку Скрябину и говорит: «Здравствуйте, Александр Николаевич. Какое чудное утро! Это мы вам обязаны этим несравненной красоты небом, широким морским простором. Спасибо вам, спасибо». Александр Николаевич вначале слегка смущается от неожиданности, но, почувствовав шутку, принимает благодарность, как вполне заслуженную.

Решительно отстаивая свое идеалистическое мирозерцание и горячо выражая против материалистического понимания природы и в особенности истории, Скрябин вместе с тем с большим вниманием выслушивал Плеханова, забрасывая его вопросами, видимо, стараясь как можно глубже проникнуть в новое для него мировоззрение, выражал желание заняться материалистической философией и просил указаний, источников.

Скоро пришел конец этим встречам и беседам. В начале апреля мы с нашей старшей дочерью, которая за несколько дней перед этим приехала к нам из Парижа, двинулись во Флоренцию, а оттуда в Рим. В середине апреля Георгий Валентинович уехал на IV объединительный съезд РСДРП, открывшийся 23 апреля в 1906 г. в Стокгольме, а мы с дочерью оставались недели три в Риме и вернулись в Женеву в середине мая.

По дороге из Рима в Женеву мы вынуждены были из-за состояния моего здоровья остановиться в Нерви. К нам явился Владислав Александрович Кобылянский. От него мы узнали, что А. Н. Скрябин с Татьяной Федоровной и маленькой дочуркой уже месяц назад уехали в Женеву, надеясь устроиться там надолго, но пока переживают тяжелые дни.

По возвращении в Женеву, наше постоянное местожительство, я дала знать Александру Николаевичу о своем приезде и горячем желании видеть его и Татьяну Федоровну.

Вскоре пришел ко мне Александр Николаевич, осунувшийся, озабоченный, грустный. Меня это поразило и огорчило. Невольно волнуясь сама, я спросила: «Что с вами, дорогой Александр Николаевич, как живете, как устроились, здоровы ли?» Наш великий композитор, смущаясь и волнуясь, рассказал мне о своих материальных и моральных невзгодах. Он очень нуждался, так как после смерти издателя Беляева, друга и поклонника его музыкального творчества, издатели почти не печатали его произведений и платили дешево. Ему казалось, что московское общество и его друзья из московского музыкального мира вмешиваются в его личную жизнь, не одобряют ее и произведениям его не дают хода, а частые выступления его первой жены В. И. Скрябиной в концертах с его произведениями настраивают против него общественное мнение, напоминая о его семейной драме. Все это, конечно, — как я думаю теперь, — было плодом болезненной чувствительности Александра Николаевича, но он искренно страдал, и мне тяжело было видеть его, всегда такого самоуверенного, гордого и жизнерадостного, в таком тяжелом душевном состоянии. С этих пор прошло три с лишним десятка лет, а скорбное лицо Александра Николаевича не стерлось из моей памяти.

Я утешила и успокоила его, как могла. Между прочим, я спросила его, не согласится ли он выступить в концерте, который я собираюсь устроить в пользу уезжающих в Россию эмигрантов. «С вашими произведениями, — прибавила я, — познакомится женевское общество и вместе с тем вы окажете неоценимую услугу женевской эмигрантской кассе взаимопомощи, которая теперь совсем пуста». — Александр Николаевич с готовностью откликнулся на мое предложение. Мы с ним условились о дне концерта, он обещал прислать нам программу, отзывы парижских газет о его личных концертах в 1896 г. и об исполнении его «Божественной поэмы» Артуром Никишем в 1905 г.¹

Тут произошел маленький случай, характеризующий настроение Александра Николаевича в то время. Когда он, собираясь уходить, прощался со мной, в гостиную вошел, насколько мне помнится, Александр Константинович Пайкес-Соколов, который энергично мне помогал в устройстве предпринимаемого концерта. Я представила их друг другу: «Познакомьтесь, — Александр Николаевич Скрябин, тов. Соколов». Скрябин поправил меня: «Розалия Марковна, я тоже товарищ». Александр Николаевич заговорил о том, как, приехав в Женеву, он принялся серьезно за изучение марксизма по Марксу и Плеханову и как перед ним открылся новый кругозор.

С помощью студенческой молодежи и товарищей из женевской эмиграции я приступила к организации вечера. Мы были уверены в успехе, решили что 50% чистого сбора получит за выступление Скрябин. Я радовалась заранее тому, что Александр Николаевич сможет недели две, три прожить без забот.

Но увы! Несмотря на все наши старания, билеты туго расходились, даже дешевые, на которые, по нашим соображениям, должна была наброситься русская студенческая молодежь, как это бывало каждый раз, когда появлялась на женевском горизонте какая-нибудь иностранная знаменитость. Известный в то время исполнитель Шопена Кочальский, несравненный пианист Иоганн Тальберг, Кубелик и, в особенности, Падеревский охотно приезжали в маленькую столицу романской Швейцарии, в которой они встречали восторженный прием. Но наш гениальный соотечественник был мало известен в то время, мало знали его и русские, проживавшие в Женеве.

¹ Отзывы были очень хвалебные. См. журнал «Музыкальный современник» № 4-5 за 1916 г., посвященный памяти Александра Николаевича, стр. 37.

SALLE DU CONSERVATOIRE
 . . . . . **GENÈVE** . . . . .

A 8 1/2 h. du soir
Samedi 30 Juin 1906
A 8 1/2 h. du soir

CONCERT
 DONNÉ PAR M.
Scriabine
 POUR L'AUDITION DE SES ŒUVRES

PROGRAMME
 PREMIÈRE PARTIE

Allegro de Concert en si bémol mineur (Op. 18)
 Nocturne en ré bémol majeur, pour la main gauche seule (Op. 9 n° 1)
 Six Préludes
 Trois Mazurkas

DEUXIÈME PARTIE

Sonate n° 3 en fa mineur (Op. 20)
 a. Allegro drammatico — b. Allegretto
 c. Andante — d. Presto
 Deux Poèmes (Op. 32)
 Trois Etudes (Op. 8. 2)
 Valse en la bémol majeur,

Piano de concert ERARD aux soins de la maison Ch. BERGUER

PRIX DES PLACES

CAVEAU DE PARQUET, 5 FR. — PARQUET, 3 FR.
 FANTASSIE, 2 FR. — GALERIE, 2 FR.

*Billet à l'échange. Managers de musique HERR, boulevard du Théâtre
 ROTSCHY, Conservatoire, et chez le concierge du Conservatoire.*

BILLET A L'ENTRÉE DU CONCERT
 Circulation des billets à 6 heures

Программа концерта Скрябина в Женеве, организованного
 Р. М. Плехановой

Музей А. Н. Скрябина

Нам грозил крах. За два дня до концерта едва была продана лишь четверть билетов. Нам оставалось одно: бросить всякие помыслы о материальной выгоде концерта и во что бы то ни стало добиться того, чтобы Александр Николаевич не играл перед пустым залом. Собрав экстренное собрание организаторов, я изложила перед ним катастрофическое положение с продажей билетов и предложила распространить остающиеся бесплатно. Тут же мы составили список известных имен в музыкальном и артистическом мире, наших швейцарских приятелей, моих пациентов; для рассылки приглашений мобилизовали группу студентов, которая обошла все те места, где ютилась и собиралась студенческая молодежь и молодая эмиграция, и раздавала даровые билеты, убеждая прийти на концерт. Но и бесплатные билеты многие брали с видом делаемого нам, организаторам, одолжения. Скрябина в то время знали исключительно музыкальные верхи, а широкая публика не знала и не понимала его.

Наступил вечер 30 июня 1906 г. Большой зал консерватории наполнялся медленно. Я очень волновалась. Волновался и сидевший недалеко от меня Марто, знаменитый скрипач, профессор Женевской консерватории, который, видимо, знал и высоко ценил Скрябина. Александр Николаевич медлил с появлением на эстраду. Я слышала, как Марто шептал своей соседке: «Il retarde, Scriabine, il hésite d'apparaître devant un publique si naïve. («Он запаздывает, Скрябин, он не решается появиться перед такой незначительной аудиторией»). Концерт запыдал на полчаса, но публика прибывала, хоры наполнились, партер был почти полон. Я вздохнула свободно. Появился Александр Николаевич, бодрый, приветливый, простой. Он, видимо, сразу овладел симпатией публики. Вальсы, этюды полились, точно нежно журчащие ручейки. Ноктюрн для левой руки был исполнен мастерски и вызвал бурные аплодисменты. Марто, сидевший вблизи меня, восхищался музыкой и исполнением Скрябина, очарованы были также ученицы консерватории, которых в зале было довольно много. Холоднее к произведениям Александра Николаевича и к его исполнению отнеслась наша русская молодежь. Она нашла, что он подражает Шопену, но что ему далеко до великого польского maestro, а в ноктюрне для левой руки она увидела фокусничество как в музыке, так и в исполнении.

Однако в общем концерт удался, выдвинув Скрябина перед женевской публикой, как большую музыкальную силу, но, увы, материально он принес гроши, едва окупив расходы, и Александру Николаевичу мы могли предложить за выступление двадцать пять франков, ровно 50% чистой прибыли, а оставшиеся двадцать пять передали одной нуждающейся семье эмигранта. Я и теперь краснею от стыда, когда вспоминаю этот финал, но я никогда не забуду того благородства и той моральной красоты, которые проявил при этом Скрябин.

После концерта, в течение июля и августа 1906 г., Александр Николаевич приходил ко мне несколько раз. Вид его был здоровее и менее озабоченный. Материальные дела слегка поправились. В Москве издания пошли лучше, хотя не блестяще. Он получал кое-какой гонорар. Георгия Валентиновича Скрябин ждал с нетерпением. Он продолжал работать над марксизмом и у него накопилась масса вопросов, сомнений, которые он хотел бы разрешить и рассеять с помощью Георгия Валентиновича. В словах его чувствовалась глубокая, искренняя привязанность к Плеханову, граничащая с поклонением, но он тут же прибавлял, немного покраснев: «Я нахожу, что Георгий Валентинович слишком полемист. Написанные не в полемической форме произведения его выиграли бы, дали бы еще больше, если это возможно, читателю. Полемический азарт должен отвлечь неглубокого читателя от сути». Тут мы с Александром Николаевичем дружелюбно поспорили. Я придерживалась других взглядов на полемику Плеханова, высказала ему мое мнение, что полемика в переходную идейную эпоху, в которой

работал Георгий Валентинович, имеет огромное значение, указывала ему на влияние полемических работ Лассаля, Чернышевского, Добролюбова и др.

Очень скоро после этого разговора мягкий, женственный Александр Николаевич проявил себя в своей области таким же страстным и неуступчивым, как и Георгий Валентинович.

После Стокгольмского съезда Георгий Валентинович заехал в Берлин, чтобы повидаться с немецкими товарищами, отсюда был приглашен в Гамбург, где пробыл больше недели; осматривал «Народный дом», знакомился с рабочими организациями, имел несколько собеседований с рабочими, заезжал также в Цюрих и Берн, где сделал краткие отчеты о съезде, и вернулся в Женеву в середине июня, утомленный, похудевший. Пробыв несколько дней дома, Георгий Валентинович отправился в Шарнэ, деревушку над Женевским озером, и, недолго отдохнув в тиши, принялся снова за работу.

От Александра Николаевича я не скрыла его местопребывания, но откровенно сказала ему, что Плеханов, утомленный длинным путешествием и рефератами-отчетами в разных местах, нуждается в отдыхе и, кроме того, кончает спешную литературную работу. По окончании работы он вернется в Женеву, а затем поедет в Брюссель, где в начале ноября он должен принять участие в заседаниях Интернационального бюро. «Когда он приедет,—сказала я,—я вам немедленно дам знать». Деликатный Александр Николаевич не настаивал, несмотря на очень сильное желание видеть Плеханова.

По просьбе Александра Николаевича и Татьяны Федоровны, я спустя некоторое время пришла к ним с приятельницей моих дочерей Мадленой Гот. Мадлен Гот, хорошая музыкантша, была введена в семью Скрябиных нашими дочерьми, сильно полюбила их, помогала им в устройстве квартиры разными практическими советами и сделалась большой поклонницей таланта Скрябина. Она ввела в их дом Родо, талантливое женевское скульптора, ценные работы которого были выставлены в музее Rath¹. Скульптор Родо с большой одаренностью, к сожалению, соединял темперамент неисправимой богемы. Признаюсь, знакомство Александра Николаевича с Родо меня беспокоило, так как Родо много пил, и я опасалась его влияния на деликатного Александра Николаевича. И увы! — мои опасения не были излишними, как мне пришлось убедиться впоследствии.

Жили Скрябины за городом на Servette, chemin de la Fontaine, в чистом и уютном домике, который им очень нравился. Хозяева угощали нас чаем и пирожными. Гуляя по саду, Александр Николаевич развивал мне свои философские взгляды... от которых отдавало в сильной степени теософией Блаватской и Анни Безант.

К материализму он относился определенно отрицательно. «Что такое материя? Разве мы знаем, что такое этот камень? Материализм это та же метафизика»... Хотя тут же он сообщил мне, что продолжает читать Маркса и произведения Георгия Валентиновича, но в его словах чувствовалось внутреннее сопротивление чуждому всему его облику мировоззрению. Георгия Валентиновича он ждал с нетерпением.

После этого визита к Скрябиным я писала Георгию Валентиновичу: «Свою встречу с тобой он приписывает своей счастливой звезде и уверен, что эта встреча будет иметь решающее влияние на его жизнь». Эти его слова расходились с возвращенной им только что предо мною философско-идеалистической profession de foi. Александр Николаевич, говоря это, был в противоречии с своей собственной натурой. Марксизм его привлекал, как новое мирозерцание, в которое, как мыслящий человек, он хотел проникнуть до конца, понять его,

¹ Государственный музей в Женеве.

и, имея это оружие в руках, он полагал, что он ближе к истине, чем Плеханов. Споры с Георгием Валентиновичем заостряли его мысль и доставляли ему умственное наслаждение, как здоровый спорт вызывает радостное ощущение в теле. Конечную цель социализма он приветствовал тоже по-своему. Его социализм был пропитан мессианством. Эксплуатация человека человеком была его миропониманию противна, как нечто уродливое, негармоничное. Он тоже мечтал о празднике для человечества, о слиянии народов. Его первая симфония имела эпиграфом: «Прийдите все народы мира!» Но он оставался идеалистом-мистиком.

Мистицизм Александра Николаевича явился результатом всего склада его жизни, начиная с детства. Идеалистическое мировоззрение Скрябина, питаемое его могучим музыкальным талантом, подсказывало ему иллюзорное представление о всемогуществе его духа, его творческих возможностей. В силу всех обстоятельств, обусловивших формирование личности Скрябина, он не мог стать на трезвую научную почву. Знакомясь с марксизмом, изучая его, он на деле лишь проверял свое идеалистическое мировоззрение, которому всегда оставался верен.

К концу сентября 1906 г. Георгий Валентинович вернулся в Женеву. Он много расспрашивал меня о здоровье и жизни Александра Николаевича и Татьяны Федоровны Скрябиных. Зная, с каким нетерпением они ждали его возвращения, я предложила пригласить их в один из ближайших вечеров. Мы решили также пригласить несколько общих знакомых и друзей. Пришли Маделен Гот, сделавшаяся неразлучной подружкой Татьяны Федоровны и фанатической поклонницей таланта Александра Николаевича, и эмигрант Дмитрий Петрович Петров¹, пользовавшийся большой симпатией Александра Николаевича за неизменно веселый характер и отзывчивое отношение к нему и его семье. Вечер прошел очень оживленно. Александр Николаевич играл; старшая дочь, окончившая курсы декламации в Женевской консерватории, продекламировала нам известный монолог Шимены из трагедии Корнеля «Сид» — «*Sir, mon père est mort*» и была очень обрадована лестным отзывом Александра Николаевича. Маделен Гот спела арию из «Самсона и Далилы» Сен-Санса, нашелся среди приятелей и хороший рассказчик. Но центром интереса был Александр Николаевич, который в этот вечер был особенно оживлен, откровенен, интересен. Он исполнял свои лучшие фортепианные произведения, познакомил нас с новыми для нас местами из «Поэмы экстаза», прочел нам целую лекцию о контрапункте с практическими демонстрациями на инструменте. Все мы были очарованы. Усадив на диван, мы окружили его тесным кольцом и забросали вопросами о его новых творческих планах, философских идеях его музыки, об отношении к великим его предшественникам — Бетховену, Шопену, Вагнеру... Отзывы эти были, не скажу, неодобрительными, скорее, сверху вниз: эти великие мастера превзойдены, у них учиться не приходится.

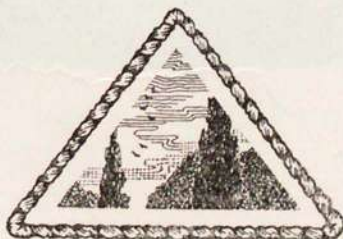
Я посмотрела на Плеханова. На его лице я заметила недовольство. Александр Николаевич затронул его кумиров: Бетховена и Вагнера. Строгий отзыв о Шопене, которого сам Плеханов находил слишком личным, его не возмутил. Но Бетховен и Вагнер! Как можно так говорить об этих титанах! В первый раз мы с Плехановым заметили в Александре Николаевиче что-то маниакальное. В его словах сквозила

¹ По приезде из Америки Александр Николаевич Скрябин с семьей устроился в Швейцарии, на первое время в Беатенберге, а потом в Лозанне. Здесь Д. Петров познакомил Александра Николаевича с лозаннским музыкальным миром, нашел ему издателя для его произведений. Лозаннский музыкальный мир, как нам сообщил Д. Петров, чтит высокую талантливость Александра Николаевича. В особенности высоко его ставил дирижер оперного оркестра. По мнению этого крупного музыканта, Скрябина по могуществу его таланта можно приветствовать, как современного Бетховена. «*C'est un Beethoven contemporain!*» — воскликнул он, когда с ним заговорил Д. Петров о нашем гениальном соотечественнике.

мания величия, убеждение в недостижимости его «я». Это было маленькое облачко на фоне нашего очарования личностью Александра Николаевича в этот вечер. Но это облачко рассеялось, когда крылатая фантазия композитора дотронулась до философского содержания его произведений. Мы все слушали его с интересом... Плеханов не сводил с него глаз, внимательно вслушиваясь в развиваемые гениальным композитором идеи. Когда Александр Николаевич закончил свои объяснения, Георгий Валентинович поблагодарил и ласково сказал: «Александр Николаевич, то, что вы только что развивали перед нами, — чистейшая мистика. Вы же читали и даже изучали, как вы не раз говорили, Маркса и марксизм. Жаль, что чтение не действовало на вас. Вы остались таким же неисправимым идеалистом-мистиком, каким вы были в Больяско».

За ужином спор продолжался. Это был настоящий философский турнир между Георгием Валентиновичем и Александром Николаевичем, турнир, который чуть-чуть не кончился драматически. Каждый из участников с особой страстью защищал свое мировоззрение. Тут столкнулись: идеализм в его худшем теософском облике и чистейший диалектический материализм. Плеханов был, по-моему, беспощаден; признаюсь, меня это волновало, но присутствовавшие здесь друзья выражали громко свое согласие с Георгием Валентиновичем. «В вас говорит хозяйка, шептали они мне, ничего, это все полезно нам и самому Александру Николаевичу». Но и наш гость не давал себя в обиду и ловко парировал удары. Все-таки я воспользовалась первым удобным случаем, чтобы прекратить диспут, предложив тост за успехи предстоящего Александру Николаевичу музыкального турне по Америке. Татьяна Федоровна, тоже с некоторым опасением следившая за горячим спором, ответила тостом за здоровье Георгия Валентиновича и торжество марксизма в России. Страсти успокоились, и вечер закончился оживленно и дружно. Плеханов с кем-то из приятелей пошел провожать Александра Николаевича и Татьяну Федоровну, которая чувствовала себя в этот день очень утомленной. Вернувшись, Георгий Валентинович сказал мне: «Какой симпатичный и талантливый человек, но мистик неисправимый. Музыка его — грандиозного размаха. Эта музыка представляет собой отражение нашей революционной эпохи в темпераменте и миросозерцании идеалиста-мистика».

Больше мы с Александром Николаевичем и Татьяной Федоровной не встречались. Некоторое время мы переписывались. Я помню, что получала от Татьяны Федоровны письма из Брюсселя и из Беатенберга. Мы с большим интересом следили за жизнью наших дорогих приятелей, радовались их успехам на родине, где, наконец, Александр Николаевич нашел высокую заслуженную оценку своего таланта, который так медленно пробивал себе путь. Ранняя, бессмысленная смерть, прервавшая эту прекрасную жизнь, нас глубоко огорчила. Георгий Валентинович очень тяжело перенес известие об ужасном конце дорогого ему, несмотря на коренные разногласия в мировоззрении, человека.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
От издательства	3
ВОСПОМИНАНИЯ	
<i>Л. А. Скрябина</i>	7
<i>Л. А. Лимонтов</i>	24
<i>М. Пресман</i>	32
<i>О. Монизетти</i>	41
<i>О. Секерина</i>	47
<i>А. Скрябин</i>	60
<i>Е. А. Бекман-Щербина</i>	62
<i>Р. М. Плеханова</i>	65
ТВОРЧЕСТВО И МИРОВОЗЗРЕНИЕ	
<i>Л. Данилевич</i> — «Поэма экстаза»	79
<i>Н. Котлер</i> — Стилевые особенности творчества Скрябина на основе анализа его IV сонаты	104
<i>Н. Вольтер</i> — Символика «Прометей»	116
<i>А. Альиванг</i> — О философской системе Скрябина	145
<i>Ст. Маркус</i> — Об особенностях и источниках философии и эстетики Скрябина	188
СКРЯБИН - ПИАНИСТ	
<i>С. Скробков</i> — Некоторые данные об агогике авторского исполнения Скрябина	213
<i>Т. Шаборкина</i> — Заметки о Скрябине-исполнителе	216
ИЗ ПИСЕМ К А. Н. СКРЯБИНУ	
<i>Вас. Яковлев</i> — Вступительная заметка и комментарии	227
Письма Глазунова, Стасова, Сафонова, Лядова, Танеева, Станчинского, Бузони и Розы Ньюмарч	230
ЮЛИАН СКРЯБИН	
<i>А. Альиванг</i> — Несколько слов о Юлиане Скрябине	241
<i>Юлиан Скрябин</i> — Прелюдии ор. 3 № 1 и 2	243